

ДЫХАНИЕ
ЗЕМЛИ
РОДИМОЙ

стихи

Книга должна быть возвращена не позже
указанного здесь срока

3/4 136			
76/4647			

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Виктор Баянов
Евгений Буравлев
Леонид Тер-Жидович
Георгий Турьянов
Сергей Дондаи
Георгий Дорониц
[Валерий Зударев]
Александр Цбрагимов
Владимир Иванов
[Георгий Киселев]
Анатолий Кислицын
Валерий Ковшов
Николай Колмогоров
Виталий Крёков
Тавел Майский
[Владимир Мамаев]
Владимир Матвеев
Валентин Махалов
Юрий Могутин
[Михаил Небогатов]
Любовь Никонова
Николай Николаевский
[Александр Пинаев]
Николай Пискаев
Иван Толунин
Владимир Тоташов
Валентина Тьянкова
Александр Раевский
Борис Рахманов
Анатолий Саулов
Алексей Шолцлов
Степан Шордоков
Леонид Шоргаев
[Владимир Цугунов]
Теннадий Юров]

0

ДЫХАНИЕ ЗЕМЛИ РОДИМОЙ

стихи

Кемерово
Кемеровское книжное издательство
1979

Р₂
Д 91

470
- 34 -
Ижморская
районная библиотека
БЕРЕГИТЕ КНИГУ!

Редакторы-составители
В. БАЯНОВ, Т. МАХАЛОВА

Редакционная коллегия
М. Небогатов, В. Мазаев, З. Чигарева, В. Зубарев

Д $\frac{70402-37}{M145(03)-79}$ 24-79--4702010200

© Кемеровское книжное издательство, 1979

О ПОЭТАХ-ЗЕМЛЯКАХ

Стихи многих поэтов, моих земляков, до этого сборника я знал разрозненно, что не давало мне общего представления о поэтической продукции земли Кемерово-Кузнецкой. Теперь, когда поэты сошлись со своими лучшими стихами в одном доме, уже легче не только отличить их голоса, увидеть, кто с чем пришел в этот вместительный дом, но и определить некую общую тенденцию, поставить перед собой несколько вопросов. Естественно, возник такой вопрос: есть ли какое отличие между поэтами кемеровчанами и новосибирцами, например? За плечами тех и других крупные промышленные центры, да и географически они очень близки. Откуда бы взяться поэтической отличительности? Но уже в начале сборника мне повстречался вроде бы ответ на этот вопрос. Виктор Баянов сказал по-своему убедительно:

Сторона любимая, приметная,
У тебя приметы есть предметные.
Где-то есть такие ж кедры с соснами,
Где-то есть такие ж зимы с веснами,
Горы есть со снеговыми шапками
И поселки с трубами и шахтами.
Только нет нигде чего-то главного,
По цене одной лишь жизни равного,
Очень близкого чего-то, очень местного,
Сердцу только одному известного.

В качестве личной программы поэта такой ответ меня долго устраивал. Да, каждый стихотворец ищет для стихов свою особенную предметность, воспринятую и пережитую его сердцем и сознанием. Для этого в стихах и других поэтов

мы найдем много подтверждений, однако по мере чтения проявлялись и черты общности, объяснимой прежде всего общностью жизни и времени. Стихи поэтов-ровесников роднит и общий колорит, и круг проблем, решаемых ими. Все же подобный сборник новосибирцев в общем своем облике отличался бы. Дело в том, что поэзия кемеровчан — поэзия молодая, начавшая формироваться уже после Отечественной войны, после образования Кемеровской области. В ней нет таких имен, как Илья Мухачев, Александр Смердов, Елизавета Стюарт, внесших в поэзию свои еще довоенные мотивы.

Если Кемерово уже давно является крупным промышленным центром, то в качестве культурного центра еще только утверждается. Процесс становления культуры в какой-то мере здесь отражает и поэзия. В ней не было и нет патриархов. В ней сравнительно молодые Валентин Махалов и Виктор Баянов уже и по возрасту заняли видное место, а Евгения Буравлева, безвременно ушедшего от нас, можно считать ее основателем. Кстати, в стихах последнего, как старшего, более заметен не только общий процесс поэтического роста моих земляков, но и социальная связь поколений, идущих от Революции.

Биография начиналась так:
В небо рвался багряный флаг,
Возвращались с гражданской бойцы —
Наши будущие отцы.

С детских лет ему помнился энтузиазм первых строителей, их тяга к обновлению жизни, к прекрасному, к поэтическому слову:

Биография начиналась так:
Был рабочим столом верстак.
А потом из житейских былин
Книжки тоненькой первый блин.

Эти строки я цитирую из стихотворения «Моим ровесникам», но, по правде сказать, оно в такой же мере относится и ко множеству молодых. Среди авторов этого сборника вы встретите и бывших слесарей, шахтеров и грузчиков, строите-

лей и механиков. Тот же Виктор Баянов, со стихов которого я начал разговор, до сих пор работает машинистом электровоза. Эти факты сами по себе примечательны, но более того тем, что в наших рабочих коллективах присутствует та атмосфера духовности, в которой только и может родиться поэт. Для сверстников Буравлева этот, казалось бы короткий, путь от верстака к письменному столу был удлинён военной дорогой до Берлина.

Хватился только в Берлине,
Что на висках уже иней.
А было всего в ту пору
Двадцать четыре саперу.

В давние времена бытовал афоризм: «Когда говорят пушки, поэты молчат». Но замечено, что так бывало лишь во времена несправедливых войн, тогда как Отечественная война подвигла нашу поэзию на небывалый взлет. Ратная дорога на Берлин не надорвала, а укрепила будущих поэтов. Идея захвата могла только разрушать личность врага, для нас же война стала самой высшей нравственной школой. Об этом хорошо сказал ровесник Буравлева, тоже бывший фронтовик Михаил Небогатов:

Война не только гнула круто,
Но и учила честно жить.

Честно и пристально! Цена собственной жизни, самозадача жизни, помноженные на утраты, стали выше.

На поле пала тень,
Как дума на чело:
Что значит этот день,
Что есть добро и зло?

Не только в силу возраста, но и в силу таланта Буравлев в этом сборнике представлен наиболее разнообразно. Немало строк написал он о месте поэта в рабочем строю, не обошел и разговора о судьбах поэтов, начинающих где-нибудь в таежной глухомани, вместо гонораров копающих свою огород-

ную картошку и тихо мечтающих о московской благодати, где «сами в рот летят галушки». В отличие от многих других, Буравлев считал, что такие поэты, если они где-то вначале не завянут на своих грядках, становятся потом «крепачками». К этому разговору я еще вернусь в конце этих заметок, а сейчас вкратце напомним о его стихотворении, посвященном Сергею Городецкому, другу Блока и по существу крестному отцу Есенина. Оно устанавливает связи уже поэтических поколений, утверждает революционные традиции русской поэзии.

Если б стих продавался,
Изо всей заработанной меди
Все равно чудо-колокол
Он отлил вечевой.

О чем же бьют вечевые колокола моих земляков? За последние годы в нашей поэзии вообще на первый план выступили проблемы морально-нравственные. Обострился интерес к человеческой личности, к внутреннему миру человека, ставшему неизмеримо сложнее. Сегодня, как никогда, нам нужен не просто человек-исполнитель, а человек-деятель, не прячущийся за широкой спиной коллектива. Стали выше и шире наши представления о человеческом счастье, мы стали нетерпимей к дисгармонии жизни, к ее аритмии, ко всякого рода небрежности.

В стихах сборника особенно остро звучит тема отношений между человеком и природой. Из ныне действующих поэтов в сборнике, пожалуй, нет ни одного, который в своих стихах обошел бы эту болезненную тему. Возможно, для дальнего читателя может показаться, что некоторые стихи этого ряда появились из моды. Возможно и так, но надо помнить, что Кемеровская область одна из самых промышленных областей нашей страны, к тому же с объектами самыми антагонистическими по отношению к природе — шахтами, металлургическими и химическими заводами. Кемеровские поэты — не ангелы, слетевшие с небес, как-то вдруг увидевшие разлад человека с природой и затрубившие в свои небесные трубы. Они знают, какой ценой строились эти заводы, на которых потом ковалась наша победа над фашизмом, знают, поэтому и хотят остановить инерцию невосполнимых потерь. Одно из своих

стихотворений Валентин Махалов начал с грустных строк о поредевших лесах, утыканых остовами пней.

Нет, не все в этом мире прогресса
Сердцу я объясню своему...
Я с надеждой смотрю на подлесок
И пророчу бессмертье ему.

После горького признания поэта в необъяснимости утрат, сопутствующих нашему прогрессу, не слишком ли оптимистичен конец этого стихотворения? Поэт не может не верить в человеческий разум, в понимание того, что в наше время природа уже не успевает своими силами залечивать раны, нанесенные ей прогрессом. Природа взывает о помощи, но эта помощь часто оказывается предательской. В минувшее лето мне самому, жившему в Марьевке, пришлось быть свидетелем такого обмана. Средь полей с заколосившейся пшеницей стояли пожелтевшие березовые рощи. Нет, не кемеровские заводы отравили их. Над ними надругалась сельскохозяйственная авиация, помогавшая пшенице избавиться от сорняков. Что, тоже виноват прогресс? Нет, в данном случае виновата бесконтрольность, непорядочность работников сельскохозяйственной авиации, ленившихся выключать распылительные аппараты над этими несчастными рощами. Об этом-то и пишут кемеровские поэты.

«А покорить тайгу нетрудно» — читаю первую строку одного из стихотворений Павла Майского и уже догадываюсь, что оно посвящено иной горячей теме. В общем-то не обманулся. Несколько иным поворотом темы тронула концовка стиха. От новых заводов и рудников навсегда уходит тайга, звериный круг жизни с каждым годом становится все меньше и меньше.

И по ночам сквозь ельник редкий,
Из голубых таежных стран,
Как призрак на могилу предков,
Приходит лось на котлован.

Есть у П. Майского другое стихотворение, в котором говорится не о судьбе тайги, а об одном памятном кедре. Го-

ворить о тайге — это все равно, что говорить о человечности, не доходя до судьбы отдельного человека, но в литературе мы как раз и занимаемся человеком, а в природе наоборот — игнорируем отдельное дерево. Так вот, поэт вспоминает:

А дальше, на холме крутом,
Столетний кедр, высокий, важный...
Теперь здесь дом многоэтажный,
Обычный шлакоблочный дом.

Какая горькая ирония! Наверно, около этого шлакоблочного дома торчат два-три хилых саженца тополя, честно заприходованных в общегородском плане озеленения. И в этом случае прогресс не виноват. Виновата низкая культура наших строек. Если строим дом, то на километры вокруг все захламлено и растоптано бульдозерами. Беда в том, что строители отвечают только за котлованы, а до сбережения кедра им нет дела. Зарплату строителю надо планировать не только за котлованы. Есть же у нас образцовые примеры планировки городов. Несколько раз мне довелось побывать под Новосибирском в Академгородке, построенном в первозданном лесу с первозданными березами и соснами, с птицами и белками, живущими в дружбе с человеком. На одной из тропинок мне посчастливилось встретить щиток со словами: «Осторожно, деревья на отдыхе». Для меня эти слова прозвучали, как прекрасное название поэмы, которую сотворила сама жизнь.

Поэты по сути своей оптимисты, ибо верят в разумное, доброе, вечное: поэтому и пишут с тревогой о дисгармонии между человеком и природой. В сборнике отражены разные точки зрения разных поэтов на эту болезненную проблему. В общем строю характерно стихотворение Игоря Киселева «Благодарю, земля, благодарю»:

За облака, за синий цвет реки,
За нежности бесстрашные ростки,
За то, что ты нас лечишь от тоски,
Ты лечишь нас, а мы тебя калечим.

Наряду с этой доброй назидательностью в сборнике пред-

ставлены стихи и другого плана, воздействующие на читателя непосредственной любовью к природе. Я имею в виду стихотворения старейшего шорского поэта Степана Торбокова в добротных переводах В. Махалова и Г. Сысолятина, делающие честь сборнику. Хочется особенно отметить «Кун-Кузези» в переводе первого и «Южная гостя» в переводе второго. В одном из них речь идет о липе, которая встречается в шорской тайге.

Белая липа, тайги украшенье,—
Нет, ты не гостя из южных лесов!
В рощах и колках твои поколенья
Старше Мрассу и древней ледников.

В переводе на русский трудно сохранить языковой колорит национальных поэтов. Во многих случаях стихи становятся слишком русскими, утрачивая прелесть первоизданности. Мне более по душе работа тех переводчиков, которые при каждой возможности стараются сохранить, даже подчеркнуть иноязычное звучание, как это сделано в стихотворении «Кун-Кузези». В нем речь идет о цветке с русским именем «огонек» или «жарки». Дай переводчик ему русское имя, и, вероятно, стихотворение утратило бы всю прелесть. По-шорски этот цветок называют «зятем солнца», хотя в этом родстве нет никакого блага — он ядовит, пчелы пролетают мимо него, так что поэт вправе был сказать.

Много лет и зим прошло
С той поры, как наше солнце
Своим зятем нарекло
Гордеца Кун-Кузези.

Может, Солнцу изменила
Мудрость жизни в те минуты?
Может, Солнце ослепила
Красота Кун-Кузези?

В заключение вернусь к разговору о «столичности» и «провинциальности» поэтов. Я бы покривил душой, если бы сказал, что в этих двух понятиях для настоящего поэта нет никакой разницы. Суть даже не в материальной стороне дела, хотя и это важно, поскольку в столице сосредоточены де-

сятки печатных органов, которые не так-то просто завосвать издали. Речь идет о той общей творческой атмосфере, в которой живет и работает поэт. Ему, как никому другому, нужна духовная кооперация. Знание жизни для него не равнозначно знанию только заводской или колхозной жизни. Для осмысления собственного жизненного опыта ему на помощь должны прийти такие духовные поставщики, как театр, живопись, скульптура, музеи, картинные галереи и многое другое, что поэт может и не заметить, когда оно повседневно. Вот почему вначале я и затеял разговор о Кемерове, как о молодом культурном центре.

В делах культуры у нас происходят парадоксальные вещи. С одной стороны, формируются новые культурные центры, с другой— все заметней централизация творческих идей. Периферийный театр, например, даже немолодой, начинает все более походить на филиал какого-нибудь столичного. Стандартизация искусства опасна и для поэзии. Учиться у Москвы— еще не значит копировать ее стили. Москва щедра на театры и музеи, но за этой щедростью мне видится в ней и Скупой рыцарь, таящий в своих подвалах-запасниках несметные сокровища культуры. Не пора ли вытащить их на свет и поделиться ими с молодыми городами на пользу искусству, а значит, и поэзии.

Иван Федоров

**Виктор
Баянов**

* * *

Теперь не знаю, в шесть ли
В семь ли,
А может быть, чуть-чуть поздней,
Я полюбил вот эту землю
И все цветущее на ней.
Иные равнодушны к рощам,
А мне бы снова в дебри те,
Где я учился между прочим
И красоте, и доброте.
Я пил прохладный сок березы
В старинных русских туесах,
И оттого мой чуб — белесый
И зелень легкая в глазах.
И вот стою — большой и взрослый.
Меня попробуй отдели
От этой теплой, этой росной,
От русской утренней земли!

Где молодое сено косят,
Где ветка каждая цветет!
Земля моя меня не бросит
И никогда не подведет.

СТАРЫЕ ПЛОТНИКИ

Они еще воюют с бедами,
Не поддаются до поры.
Еще, отточенные дедами,
Не затупились топоры.
Недавно пенсия получена.
Так что ж, сидеть?
Свой двор мести?
И им правлением поручено
Чинить колхозные мосты.
Забудешь речку с вязкой тиной
И аромат земных паров —
Забудешь все, любуясь дивною
Работой старых мастеров.
Застынешь молча у обочины,
Глядишь, как яростно в брусok
Врубается топор отточенный
От сапога на волосок.
Всегда приветят подобающе —
С собой на свае примостят,
Достав зеленый, с ног сшибающий,
В больших кисетах самосад.
И не спеша, на темы местные —
Рассевшись, будто бы на час —
Нам разговоры интересные
И начинать бы в самый раз.
Но увидав, как с грузным кузовом
Машина тронется в объезд,
Они потупятся конфузливо
И подниматься станут с мест.
Докурят самокрутки с жадностью,
Чуть виноватый примут вид:
Мол, извини, дружок, пожалуйста,
Работа срочная стоит.

ГОСТЬ

Вот и опять поосенело,
Как все века, как все года.
Сливаясь с небом, посинела
Во Ильмень-озере вода.
А на воде обрывки чалок,
Обломок старого весла,
Да стаи лодок, стаи чаек,
Да золотые купола.
А под горой, такой покатою,
Трезвонит ветер в три струны,
Что прибыл к торгу гость богатый
С сибирской дальней стороны.
И впрямь — легка моя походка,
Кудрявы волосы мои.
И лодки мне — уже не лодки,
А птицегрудые ладьи.
Но не меха при мне, не бочки,
В которых брага медова.
При мне одни лишь только строчки,
Одни заветные слова.
Сибирь на песни не скупая.
И я в себе их не таю —
Я их втридорога скупаю,
Потом задаром раздаю.
И не найду удачи краше,
Зайдя в мечтаньях далеко —
Лишь слушали б меня, как раньше
Когда-то слушали Садко.

* * *

За рекой талиновой, за мельницей
Земляничкой крашены холмы.
Век ничто, казалось, не изменится —
Ни деревья, ни земля, ни мы.
Буду проходить короткой улочкой,
Чтобы к речке выйти поскорей.

И в свой горемычный черед,
Вот женщина ждет с Куликова,
А вот — с Бородинского ждет.
И матери наши недавно,
Чуть что — выходили из хат
И грустные, как Ярославна,
Смотрели на ясный закат,
Тревог и надежд не ослабив,
Верны на всю жизнь одному.
Вот лето, наверное, бабьим
У нас и зовут потому.
Прощальное, светлое лето
С кипеньем листвы на кустах.
А может, придумал я это?
А может, все это не так?
Но женщины вдаль из-за тына
Всё смотрят, привстав на носки,
Ложится бело паутина
На их молодые виски.

* * *

«Из колодца вода льется,
Вода волноватая...»
У глубокого колодца
Стыну виновато я.
Потому, что песня — диво,
Да не мною сложена.
И, как первым снегом нива,
Грустью припорошена.
Надо мной в тиши витая,
Начинает жечь она.
А поет немолодая
Маленькая женщина.
Много лет ее я знаю.
Ею злая долюшка,
Как вода та ледяная,
Выпита до донышка.
Слышу голос от крыльца я

Из-за луга смятого:
«Сама белая с лица,
Любила черноватого...»
Эту песенку простую
За столом не выдымить
Нет, такую золотую
Просто так не выдумать.
Надо, став едва влюбленной,
Свянуть тоньше веточки
И, встречая почтальона,
Ждать годами весточки.
Надо много
 в зной и гробы
Той водицы выплескать,
Надо прежде вдовьи слезы
Все до капли выплакать.
Вот идет она с ведерком
В светлом платье простеньком,
Будто тонкая кедёрка
По таежной просеке.
Ей легко еще покуда
Мять густую травушку.
Никакие пересуды
Не коснулись краешком...
Гаснет день. Дымятся трубы.
Дым плывет, качается.
У колодезного сруба
Песенка кончается.
И, как в песне той поется,
На траву примятую
Из колодца вода льется,
Вода волноватая.

* * *

За пределами российскими
Все века живет молва,
Будто самая росистая
По утрам у нас трава.

Будто, смяв былинки хрусткие
На заре ногой босой,
Для красы девчата русские
Умываются росой.
Будто в пору сенокосную,
Коль любовь в груди крепка,
На отавы ходят росные
Женщины до сорока.
Да и сам не раз я видывал
В росах женщин пожилых
И любви их завидовал,
И наивной вере их.
Но ни разу не обмолвился —
Не вернуть, мол, вам красы:
Пусть подольше верят в молодость,
В свойства чудные росы.

* * *

Дом как дом. Цветы да занавески.
Я его пороги обивал.
В этом доме я себе невесту
Много лет назад облюбывал.
На вечерках возле сельской лавки,
Я, смущенно опуская взгляд,
Для нее играл на балалайке,
Все сбиваясь на минорный лад.
Перезвоны рассыпал я густо.
И, во всем хозяйину верна,
О моей бессоннице и грусти
Говорила первая струна.
И, ее ничуть не повторяя
В чистой перезвонной красоте,
Выводила тоненько вторая
О моей сердечной доброте;
Не тая моей мечты в секрете,
Смутными надеждами томя,
Голосисто подтверждала третья
Сказанное первыми двумя.

Я любимой пел о кленах, ивах,
Звал ее неведомо куда.
Но девчата смотрят на красивых —
Я красивым не был никогда.
Был невзрачней всех в ребячьей стайке.
И когда с другим ушла она,
У моей веселой балалайки
С горьким всхлипом лопнула струна...
Далеки сегодня те тревоги.
В край сердечной первой маеты
Ливни поразмыли все дороги,
Паводки порушили мосты.
Там все так же клен зарей подпален,
И девчата водят хоровод,
И влюбленный некрасивый парень
Струны балалаечные рвет.

* * *

Изба моя, приветь меня,
Побалуй давней лаской отчей.
Погрей у своего огня,
Чем бог послал меня попотчуй.
И над землей, и над водой,
Сквозь все удачи и оплошки,
Мне самой близкою звездой
Сиял огонь в твоём окошке.
В большой судьбе твоей теперь
Все так предпразднично, субботно.
Я в эту низенькую дверь
Когда-то проходил свободно.
Я был, как ты, и мал, и прост,
Был светом полевым просвечен,
И прибывающий мой рост
Вон на венцах твоих помечен.
На крыше тот же дерн пока,
И с этой крыши многоцветной
Под легкий шелест ветерка
Свисает колокольчик летний.

И спорым дождиком омыт,
Трезвоном наполняя уши,
Он мне о юности гремит,
Гремит от года к году глуше.
Изба, и летом и зимой
Твой отсвет надо мной витает.
Стою, и рост отметить мой
Венцов сосновых не хватает.
И не могу унять теперь
Далеких лет степного звона.
И не могу я в эту дверь
Пройти без низкого поклона.

* * *

Не думать ни о чем теперь бы,
Когда сто троп во все концы
И предлагают в сограх вербы
Свои сережки-леденцы.
И жаворонки без умолку
Над всей родимой стороной
Трезвонят про твою помолвку
С самой красавицей весной.
Да, как легко под гимны эти,
Пусть ты их даже заслужил,
Забуть про все на белом свете —
И кем ты был, и где ты жил.
Но у лесистой низкой гривы
Тебе, шагающему в рост,
Вдруг бросит чибис: — Чьи вы?
Чьи вы? —
Один-единственный вопрос.
Он не поет, не краснословит,
Но сразу, как у кромки рва,
Тебя тревожно остановят
Те немудрящие слова.
Они стоят тебя оставят
У голубеющих излук.
Они припомнить вдруг заставят

Поволглый за деревней луг.
И домик, где ты пел и плакал,
И речку, где сидеть любил,
В которой ты мальчонкой плавал,
Которую ты в жажду пил.
Поднявшись над раздольем нивы,
И в радостный, и в горький час
Тревожный чибис: — Чьи вы?
Чьи вы? —

Завидев, спрашивает нас.
Чтоб помнить мы не перестали
Под нашим небом иль чужим,
В каком краю мы выростали,
Какой земле принадлежим.

* * *

Будет тихо и туманно
И по-летнему тепло.
Будет вновь Аким-и-Анна —
Очень странное село.
Там деревья-великаны
Подбрели к речной косе.
Там про ружья да капканы
Разговаривают все.
Там в шестой избе от края,
При зашторенном окне,
Разведенка молодая
Приготовит ужин мне.
И с печалинкой во взгляде
Скажет: «Дальше не ходи —
Впереди ночные пади,
Мост подгнивший впереди.
Ты подумай, парень, здорово:
Знают все окрест места,
Что живет худая слава
Возле этого моста.
Там разбились поезжане,
Так когда-то у скалы

Острым камнем каторжане
С ног сбивали кандалы.
Зверолова с лисьим мехом,
Приискателя с конем,
Мост встречал варначьим смехом
Да тяжелым кистенем.
Там в зыбун глухой, холодный,
За колодины и пни
Завлекут тебя болотные,
Дрожащие огни...
Я забудусь на минутку.
Замечтаюсь.
И тогда
Станет сладко мне и жутко,
Словно в детские года.
Я увижу деревеньку,
Ветхий мост, где возле скал
Кто-то девку, кто-то деньги,
Кто-то голову терял.
И поверю в страхи-байки
Про трясины и леса,
Потому что у хозяйки
Очень синие глаза...

* * *

Ну и день на простой олегчалой земле!
Так просторно кругом, осиянно, рябиново.
Будто в мае орут петухи на селе,
И на небе ни облачка нет. Ни единого.
Бездорожьем бредешь, наугад, на авось.
Друг за дружкой листья, как бабочки, гонятся.
То ль воркует ручей, просветленный насквозь,
То ли в зарослях где-то невестится горлица?
Мшеет сруб родниковый, наполненный всклень.
В нем вода — не вода, а медвяная бражица.
И от горьких осин даже слабая тень
В этот ласковый день неуместною кажется.
Хорошо, что зовут — а зовут неспроста —

Этот лес, этот дол, дальше — тихая пасека.
Хорошо, что любимые с детства места
Привечают как сына тебя, а не пасынка.
Впредь каким бы ты холодом ни был продут
И какая бы слякоть ни пала на пажити,
Знаю я: дни остуд отойдут, пропадут,
А вот это навеки останется в памяти:
Хлебно-ягодный дух на отрадной земле,
Так просторно кругом, осиянно, рябиново.
И орут петухи где-то в близком селе,
И на небе ни облачка нет. Ни единого.

* * *

Мы в детстве смотрели немое кино,
С утра мы у клуба торчали.
Без денег в кино не пускали, но
Шапчонки нас выручали.
Свою отдавал я, чтоб в зал попасть,
Ее моя мама шила.
И я за нее всю первую часть
Крутил динамомашину.
Я первый крутил. Я сначала сидел,
Кругую показывал хватку.
Потом я вставал.
Потом я хотел
Забросить к чертям рукоятку.
Но очередь ждали друзья на полу,
Что был угрожающе шаток.
И кучей лохматой лежали в углу
Двенадцать мальчишечьих шапок.
Я бросить не мог, свою слабость кляня,
Не мог показать, что робею,—
Ведь многие были меньше меня
И были, конечно, слабее.
Я смену сдавал в рубашонке сырой.
Мне шапка обратно вручалась,
И только тогда, уже частью второй
Кино для меня начиналось.

Не то теперь время, не то село.
Но думаю я очень часто,
Что в жизни и детство мое прошло
Пропущенной первой частью.

* * *

Устав от ветровых погуток,
Стоит береза на меже.
Еще не зимняя покуда,
Но и не летняя уже.
Ты на нее глядишь, родная,
И замечаешь, что она,
Листву пригоршнями роняя,
Почти совсем оголена.
И с летом ласковым прощаясь,
Ты пригорюнилась в избе,
Как будто гости обещались,
Да не приехали к тебе.
А рельсы,
 словно по ступеням,
Белесый излучая свет,
Бегут, сужаясь постепенно,
И где-то сходятся на нет.
Презрев болезни и простуды,
Ведя домашние дела,
Все реже говоришь ты «буду»,
Все чаще говоришь «была».
Под полушалок прячешь проседь
И тем лишь, кажется, жива,
Что обо мне тебе приносят
Одни хорошие слова.
Живя доверчиво и просто,
Я не прошу иной судьбы —
Лишь чаще б видеть дом у моста
С куделью дыма из трубы.
Да под горою омут синий,
Да поле в балках и буграх
С березкою еще не зимней
На обжигающих ветрах.

* * *

Сторона любимая, приметная,
У тебя приметы есть предметные.
Где-то есть такие ж кедры с соснами,
Где-то есть такие ж зимы с веснами,
Горы есть со снеговыми шапками,
И поселки с трубами и шахтами.
Только нет нигде чего-то главного,
По цене одной лишь жизни равного,
Очень близкого чего-то, очень местного,
Сердцу только одному известного.
Стоит лишь откуда-то вернуться,
Как готово сердце захлебнуться.
Весь мой век такое с ним случается.
Пробовал унять — не получается.

Виктор Баянов родился в 1934 году в д. Дедюево Кемеровской области. Учился в железнодорожном училище. Окончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Работает машинистом тепловоза в кемеровском производственном объединении «Азот». Член Союза писателей СССР.

В. Баянов — автор поэтических сборников «Росы» (1963 г.), «За рекой талиновой» (1965 г.), «Моя земля» (1967 г.), «Березовый сок» (1969 г.), «Томь-река» (1972 г.), «Лирика» (1972 г.), «Гость» (1976 г.) и повести «Не красным летом» (1971 г.).